Александр Малышев

Отец и Сын

18+

Александр Малышев

Отец и Сын

https://litres.ru/74721988
SelfPub; 2026

Аннотация

Он — легенда. Морской дьявол, охраняющий золото, которое его убило. Внутри него не осталось ничего, кроме звенящей скуки и привычки убивать. Пока не пришел Саня. Сын не просит о спасении. Он пришел, чтобы вырвать отца из лап пустоты, даже если для этого придется вскрыть собственную вену над проклятым золотом. Цена свободы — жизнь. Но чья именно?

Александр Малышев
Отец и Сын

Глава 1 Проклятое золото

Все началось на палубе моего брига. Мы назвали его «Бездна», и, видит море, нужно было внимательнее выбирать имена.

Мы с Мишаней — Морским Волком, как он себя величал — спустились на берег в порту. К нам подошел мужичок: мелкий, дерганый, с глазами как у утопленника. Он бормотал про карту, про пещеру, где золота столько, что на всех хватит до конца времен. Мы отдали за пергамент символическую цену, но когда монеты легли в его ладонь, у меня внутри все заледенело. Это было дурное предчувствие, то самое, которое спасает пирату жизнь. Мишаня его не услышал. Мы подняли паруса. Мой друг всю дорогу не просыхал, мечтая вслух. О роме, о девках в ПортРояле, о дворце из белого мрамора. Он хотел доказать своим богатым родителям, что он не маменькин сынок. Я лишь усмехался в усы. Я-то знал, что Мишаня и так не голодает.

У меня была другая причина. дома ждал сын — Саня, моя «Гроза пиратов». Я хотел, чтобы это золото стало его фундаментом. Не подачкой, нет. Я знал, как сделать так, чтобы он не вырос

на всем готовом: заставлю его самого поднять этот груз,

но старт должен быть его. Это золото пойдет в его обучение, в его жизнь. Это будет его наследство.

Когда мы подошли к месту, скалы там смыкались, образуя черную пасть. Мы спустились внутрь.

Оно было там. Груда тускло светилась в темноте пещеры. Я стоял на пороге, осматриваясь. А Мишаня... Мишаня шагнул вперед и упал в него, как в стог сена.

Золото звенело под его телом, но звук был мертвым, сухим. Я видел, как оно захватывает его разум. Глаза друга остекленели. Я на всякий случай сунул одну монету в карман — на удачу, расплатиться в кабаке, как делают все пираты. Металл в пальцах показался мне неестественно тяжелым и холодным, словно кусок льда. — Андрюха! — заорал МИипНЯ. — Ты только глянь!

Он совал монеты в карманы, но они не лезли, вываливались из штанов, катились по камням. Он смеялся. Смеялся, как полный дурак, запрокинув голову.

— Забирай скорее, пока горячие!

Мне не хотелось его брать. Всю эту гору. Здесь, в глухой пещере, где нет охраны, где воздух пахнет не морем, а старой кровью. Это было слишком просто. Но Мишаню это не мутило. Ему было плевать. Он схватил со стены тяжелую золотую саблю, инкрустированную рубинами, и начал ею размахивать, хохоча.

Мы разошлись. Он ушел дальше в грот, к короне, что лежала на каменном постаменте. Я остался у входа, разгляды-

вая камни.

Воздух в пещере вдруг стал густым. Я услышал за спиной быстрые шаги. Не успел обернуться — удар. Тяжелый, кованый каблук врезался мне точно между лопаток. Я рухнул на колени, но сознания не потерял.

Я повернулся.

Надо мной стоял МИи-юНЯ. Его лицо было белым, как мел, а глаза налились кровью. Вены на висках вздулись черными веревками.

— Не трогай мое золото, — прохрипел он.

— Мишаня, ты чего? — я поднял руки, показывая пустые ладони. — Это я, Андрюха.

Он моргнул, словно просыпаясь, но его взгляд снова упал на гору монет.

— Я тебе его не отдам, — он оскалился, и в полумраке пещеры его зубы блеснули неестественно ярко. — Оно мое.

Он захохотал. Громко, истерично, эхо забилось о своды. Он перехватил золотую саблю двумя руками и пошел на меня.

Я дрался как мог. Отбивался вазами со старинного алтаря — они разлетались в глиняную пыль от одного удара. Отталкивал его сундуками. Но МИШЕНЯ был сильнее. Проклятие или что-то в этом золоте дало ему нечеловеческую ярость. Он теснил меня к обрыву, за которым шумело подземное озеро. — Ничего личного, брат, — выдохнул он, занося саблю для финального удара. На его лице не было зло-

бы, только пустое, жадное обожание металла. — Это мое золото.

Лезвие вошло в грудь. Боль была острой, ледяной. Я потерял опору под ногами и полетел спиной вниз, в черную воду. Последнее, что я видел — силуэт моего друга, стоящего на краю обрыва с золотой саблей в руке, и то, как монеты, которые он выронил в пылу драки, сами собой поползли по камням обратно в общую кучу.

Вода сомкнулась над головой. Я должен был захлебнуться. Должен был удариться о камни на дне. Но вместо темноты я почувствовал, как ледяная вода в моих легких превращается в расплавленный свинец. Мои карманы. Проклятая монета. Она вспыхнула в груди, выжигая рану от сабли изнутри. Боль стала невыносимой, а затем — абсолютной тишиной. Я открыл глаза на дне. Вода больше не мешала дышать.

Сознание возвращалось не сразу. Оно пришло вместе с ледяной водой, заполнившей легкие, а затем — с резким, рваным вдохом.

Я выбрался на камни пещеры. Меня трясло. Я был напуган так, как не боялся никогда в жизни — первобытным, животным ужасом. Я опустил руку к груди, ожидая нащупать липкую кровь, пробитую плоть, обломок ребра. Расстегнул МОКРЫЙ камзол.

Там не было раны.

На месте смертельного удара зиял черный, выжженный

по краям шрам. Он пульсировал тусклым золотым светом в такт моему новому, несуществующему сердцу. Боль ушла, но вместо неё пришла она — чистая, неразбавленная, звенящая месть. Я забыл про Саню, забыл про свою прошлую жизнь. Осталось только одно имя: МИипНЯ. Я хотел найти его. Я хотел топить каждого, кто посмеет коснуться этого золота.

Никто. Его. Не. Заберет.

Я сидел на камне, пытаясь осознать механику этого кошмара. Куда делась пробитая грудь?

Почему я жив?

Чтобы проверить себя, я встал и шагнул в воду подземного озера.

Я не почувствовал ничего.

Ни холода, ни сопротивления воды. Мои сапоги не подняли брызг. Ткань брюк осталась абсолютно сухой. Я сделал еще один шаг, глубже, ожидая привычного озноба. Вода расступалась передо мной, как перед призраком. Я был мертв. Мертвее этих камней. Мое тело больше не подчинялось законам природы — оно подчинялось металлу в моей груди.

Я зашел по самую шею. Сделал вдох.

Вода хлынула в легкие, но я не захлебнулся. Она просто... стала моим воздухом. Я стоял на дне, глядя вверх, на искаженную рябью поверхность, и понимал: я — нежить. Андрюха умер там, на обрыве. А это существо — просто страж, запертый в костяной клетке.

Но потом разум снова заволокло багровой пеленой. Месть требовала выхода.

Снаружи, совсем близко, сквозь толщу воды пробивался глухой шум — корабельная помпа и скрип мачт. Я схватил со дна ту самую золотую саблю Мишани. Рукоять обожгла ладонь чужим, хищным теплом.

Я пошел к выходу из пещеры и поднялся на поверхность.

Лунный свет упал на меня. Матросы на купеческом бриге, стоявшие на вахте, замерли. Я вышел из моря по пояс, словно рождаясь из пены, и шагнул на палубу.

Луна осветила мое лицо. Я мельком взглянул на свои руки. Кожа стала мертвенно-бледной, туго обтягивая кости, а сквозь пальцы просвечивало то самое золото. Я был чудовищем.

— К оружию! — взвизгнул капитан. — К бою! Они бросились на меня. Слава богам, это были не пираты, а просто торговые моряки — суеверные и слабые. Они тыкали в меня кортиками, рубили саблями. Клинки со звоном отскакивали от моего тела или проходили насквозь, не встречая сопротивления плоти, но не нанося мне вреда. Те, кто пытался остановить меня, умирали от одного моего удара — не столько от стали, сколько от холода, который высасывал из них жизнь.

Палуба быстро превратилась в бойню. Она стала скользкой от крови.

Я загнал капитана на корму. Он упал на колени, его парик

свалился в лужу.

— Золото! — заорал он, клацая зубами от страха. — Я отдам тебе все золото с трюмов! Назови цену! Только не убивай!

Я смотрел на него, и мой мертвый разум отказывался понимать человеческую речь. цену? Он спрашивает цену?

Я вырвал у него из рук саблю и одним движением вспорол ему горло. Он мне ничего не даст. Мне не нужно его золото.

Одержимость требовала завершения. Я прошел в трюм, нашел пороховой погреб. Нашел огниво. Я провел рукой по фитилю — он затлел и вспыхнул.

Я вышел обратно на палубу и шагнул за борт, уходя в темноту.

За спиной грохнуло. Корабль разлетелся в

щепки, освещая ночное море гигантским огненным цветком.

Я выполнил свою работу. И почувствовал, как золото в груди довольно «улыбнулось». Соль и время не трогали мою память, пока я был неподвижен. Стоя в темноте пещеры, я позволил «туману» на мгновение рассеяться.

Перед глазами встал Саня. Как он там?

Решение пришло само собой. Я знал, где искать. Мне не нужны были карты или звезды — я просто шагнул в воду и позволил течению вынести меня к знакомым берегам.

Порт-Роял. Ночь. Плотный тропический ливень прибивал пыль к доскам причала, гасил огни в тавернах. Я вышел из

моря и остановился посреди улицы. Капли дождя проходили сквозь меня, не оставляя следов на камзоле. Я поднял руку — она была абсолютно сухой. Мертвая плоть не знает влаги.

Я нашел наш дом. Встал под окном детской, прячась в тени.

Там, за стеклом, в тепле и свете свечи, мой сын играл. На его голове криво сидела бумажная пиратская треуголка. Он размахивал деревянной саблей, сражаясь с невидимым

врагом, и звонко смеялся.

У меня сжалось то, что когда-то было сердцем.

Я сделал шаг вперед, выходя под свет луны. Мне было плевать, увидят ли меня патрули. Я просто хотел прижать его к себе, почувствовать тепло, втянуть запах его волос.

Я поднял ладонь и прижал её к холодному стеклу. — Саня...

Он обернулся. На секунду его взгляд задержался на мне — возможно, он просто увидел странную тень в ночи. Но тут из соседней комнаты раздался женский голос: «Александр, пора спать!». Сын вздрогнул, бросил деревянную саблю на пол и убежал прочь от окна.

Звук его шагов по деревянному полу отозвался во мне пустотой. Видимо нянька позвала его спать. Я отнял руку от стекла. Капли дождя всё так же падали сквозь мою ладонь на мостовую.

В ту же секунду я услышал его.

Звон.

Низкий, утробный гул золота, которое кто-то посмел потревожить в моей пещере. «Туман» рухнул на мой разум мгновенно, безжалостно стирая образ сына. Тепло исчезло. Остался только холодный, звенящий инстинкт:

«Нарушители. Убить».

Я развернулся и бросился обратно к воде. Мои ноги отталкивались от земли с нечеловеческой силой.

У берега стояла барка. Матросы уже грузили последние тюки в шлюпки, собираясь отчалить к кораблю, стоящему на рейде.

Я не стал прятаться. Я вылетел из темноты прямо на причал. Первый матрос даже не успел вскрикнуть — я просто снес ему голову ударом золотой сабли. Тело еще стояло, фонтанируя кровью, а я уже схватил второго за грудки и швырнул в воду.

Шлюпка перевернулась. Вода окрасилась в черный. Головы, отсеченные от тел, падали в волны с глухим стуком.

Я услышал крик.

Я поднял голову. На борту барки стояла женщина, прижимая руки к лицу. Она смотрела на меня — на этот МОКРЫЙ, но не намокающий скелет с горящими глазами — и её крик резал уши.

Я полез на барку.

Они пытались сопротивляться. Кто-то тыкал в меня кортиком. Клинок вошел мне в бок, но я даже не почувствовал сопротивления — лезвие просто застряло между ребер, как

в коряге. Я вырвал его вместе с куском собственного легкого и вонзил владельцу в горло.

Они просили пощады.

— Пожалуйста, не убивай! Мы отдадим всё! Я не знал, что такое «пощада». Это слово не значилось в программе, которую выжгло во мне золото. Я просто устранял препятствия. Когда на палубе не осталось ни одного живого вздоха, наступила тишина, прерываемая лишь плеском волн о пробитый борт.

Я нашел в капитанской каюте огниво. Чиркнуло кресало. Пламя лизнуло просмоленные доски. Я не задержался, чтобы полюбоваться на пожар. Спокойным, размеренным шагом я сошел обратно в воду и пошел на дно, направляясь домой, в пещеру.

За спиной разгорался погребальный костер для тех, кто просто проплывал мимо.

Глава 2 МИИjаНЯ

В пещере никогда не бывает дня, но сейчас

была глубокая ночь. Сон не приходил.

Мертвецам не нужен отдых. Я мог лишь стоять в ледяной воде, позволяя ей омывать мои кости, и думать о Сане.

Желание увидеть его стало настолько плотным, что, казалось, сгустило воздух. Море, словно издеваясь, почувствовало мою уязвимость.

Звон.

Глухой, вибрирующий гул золота, которое кто-то посмел

потревожить. «Туман» ударил по вискам, мгновенно выжигая мысли о сыне.

Остался только инстинкт.

Я вышел на поверхность.

Прямо по курсу, разрезая волны, шел военный бриг. Черный корпус, на мачтах — вымпелы королевской гвардии. Законы смертных меня больше не касались. Меня вообще больше ничто не касалось.

Я поднялся на палубу бесшумно, пройдя сквозь борт, словно сквозь густой кисель. Матросы ночной вахты замерли с ОТКРЫТЫМИ ртами. — Именем Короля, назови себя! Что тебе нужно?! — вперед выступил офицер в треуголке.

Переговорщик.

Слова. Они пытались войти со мной в контакт.

Их голоса злили. Они нарушили тишину моего покоя. Я не ответил. Я просто шагнул к нему, перехватил его шпагу за лезвие и вырвал из руки. Одним плавным, неестественно быстрым движением я вонзил его же клинок ему в грудь по самую рукоять.

- К ОРУЖИЮ! АТАКУЙТЕ! - закричал кто-то из темноты.

Началась бойня.

Они навалились на меня стеной — опытные солдаты, не чета трусливым торговцам. Сабли рубили меня, пики пытались проткнуть. Я чувствовал удары, но боли не было — только глухой стук металла о кость.

Я схватил ближайшего гвардейца за кирасу и швырнул за борт. Тело проломило фальшборт и исчезло в волнах. Я действовал как мясник в лавке: методично, без злобы, расчищая пространство. Палуба становилась скользкой от крови. Я хватал трупы за воротники и просто сбрасывал в море, освобождая место для следующих.

Один из солдат, совсем мальчишка, пошел на отчаянный шаг. Он зажег фитиль массивного заряда тротила.

- СГИНЬ В ПРЕИСПОДНЮЮ! - заорал он и швырнул бомбу мне под ноги.

Я не уклонился. Я просто наклонился, поднял орущего солдата вместе с бомбой и выставил его перед собой как щит.

Прогремел взрыв. Ослепительная вспышка и ударная волна. Меня впечатало в мачту.

Наступила оглушительная тишина. Солдат в моих руках осел на палубу бесформенной грудой мяса. Остальные гвардейцы замерли. Они смотрели на меня с ужасом и благоговением. Я стоял посреди огня и дыма. У меня не было руки, в груди зияла дыра, но я медленно поднял голову.

Они увидели мой взгляд.

Они были готовы умереть там же, на месте, но их страх был ничем по сравнению с моей пустотой. Я был неуязвим.

Оцепенение спало. Кто-то метнул гарпун. Тяжелое острие пробило мое плечо насквозь, пришпилив меня к мачте. Я даже не моргнул. Я шагнул вперед, вырывая гарпун из дерева вместе с куском борта. Схватил его за древко и метнул

обратно. Острие вошло метателю точно в глаз.

Я вырвал из себя оставшиеся копья и начал возвращать их владельцам. Это была уже не драка. Это была казнь.

Когда всё закончилось, палуба была завалена телами. Я огляделся.

В воде, отчаянно гребя прочь от корабля, плыл один человек. Он был уже далеко. Слишком далеко, чтобы вернуться. Слишком далеко, чтобы навредить пещере. Мне было плевать на него. Он не нарушил границу.

Я подошел к бочкам с порохом в крюйт-камере.

Достал огниво. Искра. Пламя.

Я сошел с борта в воду и пошел на дно, не оглядываясь на погребальный костер, в который превратился гвардейский бриг. Вернувшись в пещеру, я посмотрел на свою оторванную руку. Плоть медленно, неохотно, со стоном нарастала на кость, подгоняемая волей золота.

Я снова остался один. В покое. Думать о сыне.

Но покоя не было. Мысли жгли сильнее золота. МИШЕНЯ. друг, который ударил в спину. Тот, кто превратил меня в этот гниющий механизм. Ярость поднялась из глубины, черная и густая,

как смола. Я не мог оставаться в пещере. Мне нужно было увидеть Саню. Убедиться, что он в порядке.

Я вышел в море.

Путь до Порт-Рояла был короче, чем вздох. Я прошел сквозь рифы, не потревожив воду, и поднялся на холм, к его

окну.

Как только я увидел его, ярость начала испаряться. Она просто вытекла из меня, как воздух из пробитого меха. Осталась только сосущая, ледяная тоска.

Он был там. Моя «Гроза пиратов». На нем снова была та нелепая бумажная треуголка. Он маршировал по комнате, размахивая деревянной саблей, и командовал невидимым флотом. Он смеялся.

Я прижал ладонь к стеклу. Мне так хотелось войти. Просто сесть на пол и построить с ним замок из стульев. И тут я увидел его.

В соседней комнате, в полумраке, стоял силуэт. Мишаня.

Он был жив. Он не сгнил на дне. Он стоял там, в тепле, и держал моего сына за руку. Он что-то говорил ему, указывая на дверь, и Саня, кивнув,

пошел за ним. Они вышли из комнаты.

Я метнулся к другому окну, пытаясь проследить за ними взглядом, но они скрылись за углом дома.

Он забрал его.

Он увел моего сына.

Но потом я замер. Я смотрел на то место, где стоял Мишаня, и холод внутри меня сменился тяжелым пониманием. Он не взял золото. Он оставил всё в пещере. По его глазам — даже сквозь стекло и расстояние я узнал этот взгляд — я видел, что он не предавал меня снова. Он просто... остался. Он стал Хранителем. Он оберегает Саню от этого мира. От

меня.

Я не мог войти. Не так.

Если я сейчас ввалюсь в эту дверь — МОКРЫЙ, пахнущий солью и тленом, с золотой короной, вросшей в ребра, — что увидит Саня? Чудовище. Монстра из сказок. Он закричит. Он не поймет, что под этой коркой костей всё еще бьется сердце его отца.

И эта мысль — «Мой сын будет меня бояться» — была больнее любого гарпуна. Это бы убило меня окончательно, превратив в бездумную машину.

Я отнял руку от стекла.

Развернулся и ушел в море.

Снова клетка. Снова пещера.

Я бродил по гроту, пиная ногами сокровища. Я брал в руки державные скипетры, инкрустированные огромными рубинами. Рассматривал короны, от которых слепило глаза. Всё это было мертвым. Холодным.

Скучным.

Какая разница, сколько золота лежит на дне, если тебе некому оставить даже одну деревянную саблю?

Я бы всё отдал. Весь этот скипетр, все эти горы монет. Я бы отдал их все за один час игры с сыном на полу в детской. За право услышать, как он смеется, не боясь меня.

Эта ночь прошла тихо. Никто не потревожил мои воды. Золото молчало. Ему некого было сегодня убивать.

Следующий день начался с очередного нарушения грани-

цы.

Они жгли меня. Факелы трещали, разбрасывая искры, вонючая смола текла по моей одежде. Я горел. Пламя охватило рукав камзола, перекинулось на плечо. Я не чувствовал жара — только легкое давление тепла, словно сидел у камина. Плоть не болела, она просто чернела и обугливалась, обнажая кость, а затем медленно, неохотно восстанавливалась, как только я выходил из-под огня.

Я просто шел на них.

Мой первый удар расколол череп боцману. Второй — перерубил абордажную пику вместе с руками солдата. Они пытались отступать, но палуба была слишком скользкой от их собственной крови. В панике люди начали прыгать за борт, надеясь на спасение в воде.

Глупцы. Вода — мой дом.

Я подошел к фальшборту. Один из матросов барахтался в волнах, отчаянно загребая руками. Я наклонился, схватил его за волосы и просто утянул на глубину. Он даже не успел вдохнуть для крика. Я держал его под водой, пока последние пузыри не перестали подниматься на поверхность.

«Никаких свидетелей», — пульсировало в голове. Золото требовало стерильной чистоты.

Я отправил их всех к Посейдону.

Когда на палубе не осталось живых, я спустился в трюм. Нужно было найти порох. Работа должна быть закончена чисто.

В полумраке, среди бочек с солониной, на меня вылетел матрос. Молодой, перепуганный насмерть. Он не пытался драться — он просто хотел сбежать. Он врезался в меня, пытаясь оттолкнуть с дороги.

Я не шелохнулся. Мои ноги вросли в доски трюма. Он отскочил от меня, как от каменной статуи, потерял равновесие и упал на спину.

Я не упал. Я даже не покачнулся.

Матрос вскочил и, подвывая от ужаса, бросился вверх по трапу на палубу.

Я последовал за ним. Медленно. Хладнокровно. Мои шаги не были слышны — только тихий скрип мокрой кожи и звяканье мокрой стали. На палубе он заметался, ища шлюпку. В его руке блеснул абордажный топор. Он замахнулся на меня с отчаянием загнанного зверя. Я перехватил его запястье в воздухе. Сжал. Кость хрустнула, как сухая ветка. Топор выпал.

Я поднял его.

Матрос замер, глядя на свое сломанное запястье. Я примерился и метнул. Топор вошел в дверной косяк капитанской каюты, пригвоздив матроса к дереву. Он умер мгновенно — лезвие перебило позвоночник. Его тело безвольно повисло на рукояти.

Я посмотрел на него. Никакого удовлетворения. Просто констатация факта: препятствие устранено.

Я подошел к телу, выдернул топор из дерева и забрал свою

саблю. дело нужно закончить. Я ударил саблей по первой масляной лампе, висевшей под потолком. Стекло разлетелось вдребезги. Горячие брызги масла хлынули на просмоленные доски. Вспыхнуло мгновенно.

Я ударил по второй.

Огонь охватил корабль с голодной скоростью. Палуба начала проваливаться. Я стоял в центре этого ада, позволяя пламени лизать мое лицо. Оно снова обугливало кожу, но я стоял неподвижно, пока мачта с треском не рухнула рядом.

Только когда огонь перекинулся на пороховой погреб и жар стал невыносимым даже для камня, я шагнул за борт.

Вода зашипела, принимая меня. Я опустился на дно и смотрел, как горящий корабль медленно, величаво уходит в свою могилу, утаскивая за собой дымный шлейф.

Снова тишина. Снова покой.

Глава 3 Война началась

Покой в пещере снова стал невыносимым. Золото молчало, и эта тишина звенела в ушах, вытягивая из памяти самое дорогое. Меня потянуло к нему. Не как стража, а как отца. Я снова стоял у нашего дома.

Саня сидел за столом у окна. Он рисовал — сосредоточенно, высунув кончик языка, совсем как я в его возрасте. А потом он отложил уголь и начал есть. Просто разламывал краюху хлеба, запивая её водой. И тут меня накрыло.

Я увидел его — крошечного, в слюнявчике, который я сам сшил из старого паруса. Я вспомнил, как кормил его с ло-

жечки. Густую, сладкую кашу. Он пачкал всё лицо, чавкал, а потом тянул свою маленькую ручку и трогал меня за нос, заливаясь смехом. Он смеялся так звонко, что казалось, даже море за окном затихало, чтобы послушать.

А сейчас он просто ел. Сам. Его руки стали

широкими, плечи — крепкими. Моя «Гроза пиратов». Между тем малышом с кашей на носу и этим юношей пролегла пропасть, в которой утонула моя жизнь.

Я перевел взгляд. В соседней комнате, в тени, СТОЯЛ МИИЕНЯ.

Он молча наблюдал за Саней. А потом подошел и положил на стол перед ним теплую, румяную булочку. Саня кивнул, даже не обернувшись, взял её и откусил.

Внутри меня что-то оборвалось.

Булочки.

Я всегда рассказывал Мишане об этом. Когда мы пили ром в тавернах, когда считали добычу, я всегда говорил ему: «Знаешь, что смешного? Когда Саня ест, он забывает обо всем на свете. Я приносил ему булочки, и он был самым счастливым человеком на земле».

Я повторял это сотни раз. Это стало моей визитной карточкой, моей отцовской гордостью.

И МИШЕНЯ запомнил.

Он не просто охранял моего сына. Он...

заботился о нем. Он пытался заменить ему ту рутину, которую отняла у нас смерть. У МИИ.jaНИ никогда не было

семьи, он не знал, каково это — держать на руках своего ребенка. Но он слушал меня. Он запомнил про булочки. И теперь он делает это сам.

Я смотрел на эту сцену сквозь стекло: мой сын, которого я не могу обнять, и мой друг, которого я хочу убить, сидели за одним столом.

МИШЕНЯ обернулся, словно почувствовав мой взгляд, но тут же убежал. Я видел его глаза в его глазах не было триумфа. Там была только бесконечная, тяжелая усталость.

Я ушел.

Но по пути в пещеру, под толщей черной воды, я думал уже не о мести.

Может быть... когда-нибудь. Когда Саня станет совсем взрослым. Когда золото перестанет так сильно жечь. Может быть, мы с Мишаней встретимся на берегу. Не как монстр и страж.

Не как предатель и мертвец.

А как два отца.

И, может быть, мы сможем поговорить о том, что произошло в той пещере. О том ударе в спину. И о том, во что превратилось наше золото.

Когда я снова пришел на зов, в моих водах было уже два корабля.

Военные. Гвардия. Они выстроились в линию, прикрывая друг другу борта. Слухи разошлись. Они поняли, что место гиблое, что одиночные суда просто исчезают, и решили, что

сила в количестве. Наивные. Это им не поможет. Я поднялся на палубу первого корабля бесшумно.

— Стоять! Именем Короля, стоять! — закричал капитан.

Офицеры выставили вперед шпаги, солдаты вскинули мушкеты. Но капитан не смотрел на меня как на угрозу. Он смотрел на меня, как на загадку. В одной руке он держал обнаженный клинок, а в другой — смятый, промокший лист бумаги. Он смотрел то на меня, то на этот рисунок, словно сравнивал эскиз с оригиналом.

Он знал, кого ищет.

Они ударили первыми.

Десятки пик и алебард ринулись ко мне. Я шагнул вперед. Древко пик трещало, как сухая солома, когда натыкалось на мои ребра. Я не ломал их — я просто шел, и они ломались об меня. Я схватил одну алебарду за лезвие, вырвал её из рук гвардейца и швырнул древком вперед, как копье. Она прошила грудь канонира насквозь и пригвоздила его к мачте.

Они начали стрелять.

Грохот мушкетов оглушил палубу. Пули впивались в меня, вырывая куски плоти, но я не падал. Я просто выдергивал горячее железо из своего тела. Когда один из солдат бросил разряженное ружье и потянулся за новым, я метнул в него его же собственное мушкетное ложе. Оно врезалось ему в грудь с хрустом ломаемых ребер.

Паника.

Кто-то попытался перемахнуть за борт, надеясь на шлюп-

ки.

Я не дал им этого шанса. Моя сабля больше не знала пощады. Она опускалась с методичностью гильотины.

Хрясь. Нога матроса отлетела в сторону, он упал на палубу, захлебываясь собственным криком. Хрясь. Рука другого, пытавшегося закрыть дверь каюты, упала на порог. Я не оставлял их живыми. Раненые — это шум. Шум привлекает внимание. Золото требовало стерильности.

В ход пошло всё. Я выхватил пистолеты из рук мертвецов и разрядил их в лица живых. Схватил тяжелый абордажный топор. Когда боцман попытался спрятаться в трюм, я метнул топор. Лезвие вошло в дверной косяк, пригвоздив его руку, а я уже был рядом, добивая его саблей.

Внезапно — звук спускаемого якоря и хлопанье парусов.

Второй корабль.

Они услышали крики. Они видели бойню через дым. Но они не пришли на помощь. Капитан второго брига отдал приказ, и судно начало медленно, неуклюже разворачиваться, ложась на обратный курс. Они отступали. Уходили с поля моего боя.

Я замер с занесенным топором, глядя, как их корма исчезает в тумане.

Странно.

Гвардия. Регулярные войска. Они могли ударить мне в тыл, зажать в клещи. Но они выбрали бегство.

Я выдернул топор из двери.

Теперь они точно всё расскажут. Не просто байки в тавернах о «призрачном свете». Теперь

у Короны есть рапорт. О существе, которое не тонет, не горит и уничтожает взвод гвардейцев за десять минут.

Они пришлют больше кораблей.

Я вернулся на первый бриг, нашел порох и поджег фитили. Когда вода сомкнулась над тонущим судном, я ушел на дно. Война началась.

Когда огонь начал пожирать остатки корабля, а палуба под ногами стала проваливаться, я не спешил уходить.

Капитан лежал у штурвала. Его глаза были стеклянными, но рука всё ещё сжимала ту самую бумагу. Она намокла от морской воды и его крови, но чернила остались четкими. Я присел на корточки рядом с ним. Мои кости хрустнули, но боли не было. Я разжал его холодные пальцы и забрал лист.

Это был грубый карандашный набросок, сделанный наспех. Художник явно пытался зарисовать меня по памяти или со слов того самого беглеца.

Я поднес бумагу к лицу. К свету догорающего фонаря.

С листа на меня смотрел монстр.

Высокий, сгорбленный силуэт. Лицо — не мое лицо — представляло собой голый череп, обтянутый серой, как пергамент, кожей. Глубокие провалы глаз, в которых художник зачем-то нацарапал красные угольки. Рот был открыт в беззвучном крике, обнажая не зубы, а острые, акульи клыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.